

о необходимости объединения русских сил для сопротивления «поганым». В угодничестве татарам и отказе от борьбы с ними обвиняли друг друга в этот период обе воюющие стороны.

С обстановкой феодальной войны 30—40-х годов связаны не только общие тенденции, но и некоторые особенности состава протографа СІ—НІV. Мы уже обратили внимание на ту важную роль, которую играют в этом своде известия, заимствованные из тверских источников. Из тверского летописания заимствованы рассказы о князьях-мучениках XIV в., принявших «смерть за христианскую веру»; в тверском духе обработан рассказ о взятии Торжка в 1372 г. Это хорошо объясняется тем, что во время событий московской феодальной войны роль Твери, значительно оправившейся в середине XV в. от потрясений прошлого столетия, была весьма велика. К тверскому великому князю Борису Александровичу обращались за помощью обе враждующие стороны; потерпев поражение от своих соперников, Василий II дважды — в 1433 и 1447 гг. — находил убежище в Твери; в 1447 г. именно войска Бориса Александровича помогли Василию Темному возратить утраченный престол.⁷⁴

Специфические тенденции протографа СІ—НІV, объединившего летописание различных русских земель и княжеств, дают основание видеть в нем свод, составленный, как и предшествующий свод 1408 г., при дворе митрополитов «всея Руси». Но от свода 1408 г. (Троицкой летописи) исследуемый памятник отличался многими важными особенностями. Свод 1408 г., составленный приближенными Киприана сразу же после смерти митрополита, отражал московскую точку зрения по основным политическим вопросам. Но при Василии II положение митрополии и ее отношения с великокняжеской властью претерпели изменения. После смерти Фотия в 1430 г. митрополичья кафедра некоторое время оставалась незамещенной; в 1433 г. митрополитом стал смоленский епископ Герасим, не поехавший в охваченную внутренними распрями Москву и оставшийся в Западной (Литовской) Руси; в 1435 г. этот митрополит был казнен литовским князем Свидригайлом, и митрополия вновь стала вакантной. В 1437 г. митрополитом был назначен грек Исидор, приехавший в Москву, но почти сразу же покинувший ее для участия во Флорентийском соборе; после заключения Флорентийской унии русские князья отказались признать его, и в 1440 г. Исидор покинул Русь, а митрополичья кафедра опять опустела. Только в конце 1448 г., после ослепления Василия II и его возвращения на престол, русские епископы избрали себе нового митрополита — Иону, но его не поддержанный патриархом авторитет еще долго оспаривался различными князьями и иерархами.

Сложная судьба митрополичьего летописания в этот период наглядно обнаруживается из текста летописи, основанной, по всей видимости, в общерусской части на митрополичьем своде 1446 г. — Белорусской I (Западнорусской) летописи.⁷⁵ Составленная в начале XVI в. Белорусская I летопись заимствовала, по-видимому, свою начальную часть, до 6817 г., из НІV, а раздел 6893—6926 гг. — из СІ,⁷⁶ но остальной ее текст

⁷⁴ Ср. известия СІ младшей редакции за 6941 и 6954 гг. Особенно подробно сообщает о роли Твери в событиях 6955 (1447) г. рассказ «От летописца вкратце» в составе тверского Слова инока Фомы. См.: Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Сообщение Н. П. Лихачева. СПб., 1908 (ПДПИ, CLXVIII), стр. 42—46.

⁷⁵ ПСРА, т. XVII, СПб., 1907, стлб. 1—70. Название «Белорусская I летопись» предложено в работе: В. А. Чамярыцкі. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, стр. 11—134.

⁷⁶ См.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 334—338; М. Д. Приселков. 1) История, стр. 156—157; 2) Летописание Западной Украины и Белоруссии. —